

Года два назад Алла Демидова признавалась, что боится заглядывать в будущее, как и все, она — на перепутье. А сегодня у актрисы уже свой «Театр «А», на сцене которого недавно состоялась премьера.

Алла Демидова НАЧИНАЮ С «А»

В «Театра «А» поставлена пьеса немецкого драматурга Хайнера Мюллера «Квартет», навеянная мотивами романа Шодерло де Лакло «Опасные связи» и изысканно осуществленная греческим режиссером Теодором Терзопулосом. В течение 90 минут напряженного действия, в точно замеченном ритме два актера — Алла Демидова и Дмитрий Певцов — разыгрывают четыре мисии и ведут диалог о своей страсти, в которой от любви до ненависти — один шаг...

— В з снова в просторном, красивом доме Аллы Сергеевны, населенном англичан, картинками, предметами старины, знаменитыми растениями, где мирно ужинают пушкестый рыжий кот Миша и таинный пудель Маша.

— Что побудило вас, Алла Сергеевна, создать свой театр?

— Все произошло случайно. У меня не было никакого явного устремления или какого-то насилия над собой. Я знавала, что в мой судьба, если я не очень и неважно, но использовать как-то ее варианты, все получается. Когда же мне стало что-то исправлять своей волей, то ничего не получается, и скорее все наоборот — плаха.

— С чего все началось?

— Мы давно, как вы знаете, сделали цветастую «Федру», спектакль, как мне кажется, интересный, если не по результатам, то по поиску. Это первая работа Романа Викторовича по подобному плану, уже потом он поставил «Служанки», «М. Баттерфляй», другие спектакли, на которые шла вся Москва. И вот что произошло с нами, Публичка, привыкшая к любительской эстетике «Федру» на сцене Таганки принимала историческую да и критическую тона, но это разговор особый.

В нашем спектакле, как мне кажется, удачным образом соединились на сцене пластика и слово. Всегда было так: кто-то «делал пластику», кто-то хорошо говорил. Я же считала, что мои партнеры безукоризненно выводят рисунок спектакля. Можно, конечно, было придумать, что на первых порах их юношеские неокрепшие голоса не могли передать всю мощь цветастой поэзии, но они ведь росли и шли вперед. Я чувствовала, что наша работа ведет поиски нового театра, который меня интересует, но эта дорога непохожая. Мне было жаль спектакль, не вписывающийся в эстетику Таганки.

— Но у «Федры» всегда был выход!

— Да, на нее шли молодежь и те театралы, которые в тому времени все пересмотрели на Таганке. Спектакль охотно приглашали в другие страны, мы были на фестивалях в Квебеке, Бостоне, Флоренции, разных городах Греции. Я чувствовала, что он воспринимается сам по себе и ему вовсе не обязательна шапка Театра на Таганке, нас же упрямил, что мы его пользуемся. И тут встал вопрос: надо отделяться. Но как?

Пришло время, когда мне предложили выкупить спектакль, заплатить деньги, затронуться на его постановку. Мы съездили на гастроли в Санкт-Петербург, свой гонорар и первые театру, что-то добавили и открыли счет.

Я думала, что надо организовать свое дело, конечно, маленькое — на большую нет сил. Мы остались при театре, аренда у него Новая сцена.

— Почему такое неожиданное название — «Театр «А»?

— Мне предлагали назвать свое название, но я не хотела себя художественным руководителем, да и неизвестно, как сложится все в будущем. Не зная чьим-то громким именем, например Владимира Высоцкого, я посчитала некорректным и предложила назвать первой буквой алфавита. За ней много букв, места всем хватит. Свойственно хотеть, стоять и отделяться, создавая свои мальчишье труппы, свои спектакли. Зачем давать помещению? А живем ли? Все зависит от того, пойдет публика или нет, какая цена билетов, найдут спонсоры или нет.

— Вы нашли?

— Нет, не нашли. И это, конечно, усложняет жизнь, так как возникает множество проблем, которые самостоятельно бывает решить трудно.

— Сметало человек делает свой театр?

— Пока двое. Я и директор Владимир Гурьянов, молодой, интеллигентный человек. С другими участниками мы заключаем контракты.

— Ваша первая афиша сообщает, что «Театр «А» и греческий театр «Атис» представ-

ляют пьесу Хайнера Мюллера «Квартет». Вы участвуете на равных условиях?

— Не совсем. Но мы еще забыли театр на Таганке.

«Театр «А». Платил за аренду помещения, за квартиру и платил постановщику спектакля, всему техническому персоналу, помогавшему нам в работе, а также за шитье костюмов.

Театр на Таганке. Любимое дал нам помещение — малый зал, давно пустовавший, а в нем 160 мест, но он может вместить и двести. Мы получили также спонсорский стелс из спектакля «Лавина» и «Иванов».

Афинский театр «Атис». Его директор и художественный руководитель Теодор Терзопулос со своим сценаристом Георгосом Патсасом работали бесплатно. Они также привезли труппу для спектакля и помогли напечатать — что было сделано в Греции — первые афиши и программы «Квартета».

Вот такое содружество. Теперь у нас в репертуаре два спектакля — «Федра» и «Квартет». Надежда на гастроли. Тогда мы сможем что-то отсчитать в бюджет театра для будущего спектакля.

Если «Театр «А» себя зарекомендует как место, где надо пойти, чего-то нового, то мы сможем пригласить на свою площадку студенческие спектакли, чтобы наши зрители обратили на такого рода работы особое внимание.

— Какую публику вы видите в своем зале?

— Это один из основных вопросов. Наверное, она должна быть элитарной, понимающей и способной воспринимать новое.

— Намереваетесь сами ставить спектакли?

— Режиссером быть не собираюсь. Единственная мечта — восстановить эфросский «Винный сад» в том рисунке, а тем декорациях, в которых он был сделан, но, правда, с молодыми актерами. Признаться, я была влюблена в рисунок этого спектакля, который, как мне кажется, мы, таганчане, так и не смогли до конца исполнить. Мы работали неделю гать, а премьера — это уже точка, после нее набирать трудно. Я хорошо помню все детали замысла Эфроса, к мне хотелось, чтобы его постановка вновь обрела жизнь.

— У вас высказывается направление вашего театра?

— Я еще не очень его понимаю. Но думаю, в нем будут идти спектакли с поэтическим звучанием.

— Будут ли четкие программы?

— Может быть. Я вернулась недавно из Америки, где выступала в концертах с театральной «звездой» Клер Блум. Она симпатизировала Уильяму, она была первой исполнительницей его пьесы «Трамвай — «Желтый». В концертах звучали две трагические высокие голоса — Ахматова и Цветаева. Блум читала из английского перевода, а, естественно, в оригинале.

В следующем году в Афинах у меня будут два поэтических вечера. Один — «Антология русской поэзии», другой — «Ахматова — Цветаева». Там, думаю, можно использовать такую ахматовскую цитату: Прокофьев и Цветаевский — Шостаковичи. Испокон веку, надеюсь, будет содействова театру Мандела Касрашвили. Кстати, на стихи Ахматовой и Цветаевой писали музыку Эдисон Денсов, Альфред Шнитке и Софья Губайдулина. К тому же есть возможность соединить в концертных программах слово не только с музыкой, но и пластикой.

— Синтез жанров?

— Да. Новое в искусстве чаще всего возникает тогда, когда соединяются разные жанры. Например, Шалкини. Был может, был Бэм и ироничнее его, но огромный вклад трагического актера в единении с голосом и дал такой громадный результат. Или Уоллен. Кто-то из танцовщиц, вероятно, крутил фути технику ее, у кого-то шея и ноги были длиннее, но в результате соединены ее танца — редностным для баларем гекзаметром драматическим делом и возникло такое уникальное явление.

Когда возник Театр на Таганке, стали писать о теле спектакля актера. Но это был образ собирательный: один пели, другие говорили, треть танцевали, четвертые играли на музыкальных инструментах, а пяты делал пластику. Немного соединили в себе все это. Почему так сильно прозвучал «Борис Годунов»?

Думаю, потому, что в это театральное хор пели все участники, а потом «жидый» выходя из хора в свою роль. И сейчас Юрий Назаров делает спору «Доктор Живого» Шнитке, где поют драматические актеры.

— Но еще в сам Любимов давал и дает энергию?

— Конечно. Уже на репетициях Юрий Петрович так заражал спектакль, что этой энергией было мало, и потом сами актеры тянули ее. Или Любимов приходил на спектакль, и стоял со своим фонариком в зале. Его присутствие «пугало» актеров. Лоты он и говорит, что у него нет «звезд», нет ведущих актеров, так же как не всегда ориентирован на того, кто тянет его энергию. Когда такого нет, спектакль имеет надолгу жизнь и уходит из репертуара.

Чем хорош Большая режиссеры? Они вкладывают свою энергию в постановку. Думаю, на практике режиссером может быть каждый человек, обладающий фантазией, пониманием значений пьесы, слова. Любой критик может, потому что он понимает и задачу, и сверхзадачу, и характер персонажей. Но... у него нет той энергии, которая была бы его работе долгу жизни.

Впрочем, я не хочу никого слышать, ни о ком говорить негативно. Место всем занять. Если кто-то хочет работать, пусть работает и доказывает свою самостоятельность.

— Алла Сергеевна, в этом году, как я знаю, вы будете выступать в Дельфах на фестивале «Трагедия XX века», который проводит Англия, Греция, Россия и Япония. Какая у вас программа?

— Буду читать ахматовский «Реквием». Надо сказать, что фестиваль пройдет на разных сценических площадках. Нет в Дельфах есть площадь, где когда-то был оракул, а нем потрясающая акустика и особая энергия. Я буду выступать с ней. Мы подготовили мультимедийные и фотоматериалы, тогда «Разные» прозвучит еще большей трагедией.

Через два года такой же фестиваль пройдет в Японии, еще через два — в Англии, а в 2000 году — в Москве. Круг как бы замкнется. Все началось в этом зале с русской трагедии, все и закончится там.

— Что для вас трагедия XX века?

— Это, видимо, продолжение того неправильного пути, по которому пошло человечество, особенно в последние два века, когда оно развивалось с ускорением и стало самым часто испытывать истощения.

— В чем, по-вашему, привлекательный путь?

— Люди потеряли связь с Богом, поверили в собственный разум и пошл дорогой науки и техники, забыли о душе, о том, чем прежде всего должен жить человек. То, что дала природа, ему предназначено сделать еще лучше, высветлить искру Божию, данную ему, сделать свой энергетический заряд более сильным и с этим идти в мир иной. Вот наш путь.

А мы пошли по бесовскому пути, дитюмнанному. Оно и привело нас в тупик. Это и есть, на мой взгляд, трагедия нашего века. Не знаю, выберемся ли мы из этого тупика. Надером королева Гертруда говорит сыну: «Гемлет, герцогство! Ты повернул глаза бранками в душу, а там господу латина черноты и же начал не слышать».

Смуть можно — ярой, религиозной, самобичевания, искусством, любовью, добротой, всем тем, что просветляет душу и спасает самого человека. Нам надо спасаться всем вместе и в одиночку врандому.

— В одном из телевизионных вы прочитали ахматовские стихи: «Я научилась просто, мудро жить, смотреть на небо и молиться Богу...». Анна Андреевна написала это еще в 1912 году, а впереди была такая длинная и такая трудная жизнь. Не всегда все зависит от человеческого разума, нашей души, от нашей совести. Помогают ли вам в жизни эти ахматовские строки?

— Они, конечно, гениальные. Но учимся-то мы все-таки на собственном опыте.

— Что дает вам ощущение счастья?

— Рядные минуты гармонично — составной собственной души и окружающего мира, себя и собственного неправедного в жизни. Когда живешь в ладу с совестью...

Беседу вела
Лидия НОВИКОВА,
Фото В. Ирмаера.